

Волонтеры города Питера

оценить

Текст
Михаил Сафроненко

Модель взаимодействия гражданских спасательных формирований с профессиональными сегодня неочевидна. Первую попытку исследовать эту зону ответственности предпринял FireRescue. На наши вопросы ответил руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Объединение добровольных спасателей "Экстремум"» Борис Леонидович Лейтес.

Досье FR

Борис Леонидович Лейтес

Родился в 1969 году в Санкт-Петербурге. По образованию военный топограф. Девять лет прослужил офицером в вооруженных силах. Затем занимался проблемами информационных технологий. В 2000

— Борис, у любого профессионального спасателя возникает закономерный вопрос, касающийся самой природы отрядов общественных спасателей. Хотелось бы узнать, какие люди и, главное, зачем приходят в ряды непрофессионалов?

— Наверное, у таких вот волонтеров, как мы, просто есть некая сопричастность чему-то, сознательно противопоставленному повседневности. Скажем, бизнесу или той части жизни, в которой ты как бы замкнут только лишь на добывании пропитания.

— Неужели это все развлечение, какая-то тусовка?

— Скажем так, для наших сверстников — а средний возраст членов отряда 33 года — время «тусовок» уже прошло. Можно связывать это с тем, что осознанное проявление ответственности за других, лишенное того молодежного отношения, когда «драйва охота», появляется в более сознательном возрасте. Формируется взвешенное отношение к жизни и понимание ее ценности. Совсем молодых — единицы, и они, скорее, исключение. Но на примере одного из наших ребят, пришедшего в отряд в самом начале, еще студентом, могу сказать, что в свои годы этот человек психологически был более зрелым, чем его сверстники. Так что, независимо от возраста, есть люди, которым мало приносить пользу в проживаемой сию минуту обыденной жизни. А силы, чтобы создавать эту максимально реальную, нужную пользу, есть, как есть и желание ее приносить.

— Это и Ваше выстраданное состояние?

— Нет, я просто постарался сформулировать некое представление о том, почему человек может заинтересоваться тем, что делают спасатели. Если говорить обо мне, то моя история началась с тех интересов, которые традиционно привлекали многих молодых ребят, ставших впоследствии профессиональными спасателями. Для меня вся тематика спасения возникла из походов, когда до ближайшего населенного пункта, в лучшем случае, 4 – 5 дней пути, и нет ни сотовой, ни спутниковой связи. В таких условиях, сами знаете, если что-то произойдет, надеяться не на кого даже теоретически. Вертолеты там зачастую не летают и вездеходы не ездят. Разумные опасения возникают у любого опытного туриста, альпиниста, вообще экстремала.

— У любого — да, но не каждый же становится из-за этого спасателем?

— Не каждый. Но есть и второй момент. Абсолютно другое отношение некоторых людей —

году основал компанию, работающую по IT-направлению. С 2006 года активный участник движения добровольных спасателей. Сегодня руководитель общественной организации «Объединение добровольных спасателей "Экстремум"». Женат, двое детей.

ответственных, неравнодушных – к вопросам безопасности. Это особенно хорошо видно на курсах подготовки, благодаря которым несколько лет назад появился и сам отряд. Даже в учебных условиях, если человек попытается вытащить с высоты двадцатиметровой вышки условно «сорвавшегося», моментально поймет, сколь тяжело подобное проделать. Значит, и сам он впредь будет совершать восхождения гораздо аккуратнее. Ведь новичок и сам не хочет доставлять хлопоты коллегам. Кроме того, человек начинает четко представлять себе всю опасность легкомыслия уже в реальной ситуации. Это познание приходит, так сказать, через собственные мышцы. Находясь в отряде, поневоле начинаешь серьезно относиться к безопасности – своей и окружающих.

— Мы говорим о курсах, которые Вы оплачиваете, так сказать, всем отрядом, для самообразования, — или об уже неких внутренних курсах, которые ведете сами?

— Курсы начались, опять же, с того, что первые наши группы, некий костяк «Экстремума», оказались в процессе поиска достойной медицинской подготовки для оказания помощи в походных условиях. Мы тогда не нашли ни одной подобной площадки, где можно было бы получить навыки и знания для специфических условий. Пришлось организовать такую среду собственными усилиями. Все началось с курсов повышения квалификации среднего медицинского персонала одной медсанчасти. Помню: из-за того что на этих курсах мы терзали преподавателей вопросами, сформировалась очень продуктивная атмосфера. Инструктора почувствовали неподдельный интерес и всерьез выкладывались, стараясь обучить «на совесть». А вопросы вроде: «Если до «скорой» три дня пешком, то что делать?» – поначалу и вовсе обескураживали врачей. Но в результате понравилось и им, и нам. Тогда сложилась первая общность людей, сформировавшая отряд. Позже нам предложили пройти обучение в «Санкт-Петербургском центре подготовки спасателей». Здесь началась «закваска» практикующего спасотряда. После медицинского курса мы уже готовы были применять полученные знания и навыки. Так что на курс спасателей многие шли чуть ли не по инерции, до конца не понимая его практического значения. Но именно после базового курса спасения мы стали замечать, что желающих обучаться становится все больше, а выпускники не расходятся – наоборот, сбиваются в команду, задаются вопросами дальнейшего роста.

— За время тренировок и ПСР сложилась ли система обучения, уровень подготовки — или деятельность гражданских спасформирований предполагает лишь постижение базовых знаний?

— В 2008 году отряд вынашивал концепцию общественного аварийно-спасательного формирования. Мы стали прорабатывать юридическую и практическую стороны создания формирования. Тогда-то и пришлось задуматься над комплексной и регулярной системой подготовки. На тот момент мы уже верно оценивали свои силы, уровень навыков, на который хотим выйти. Во всех случаях создания спецкурсов обязательно приглашали знающих преподавателей и практиков. Сегодня учения отряда совместно с нами готовят признанные авторитеты отраслей спасения. В учебной части существует четкая программа подготовки. И примерно на протяжении года мы существуем с определенной уверенностью в своих силах. В то же время межсезонье (лето – осень) означает прибавление числа внутренних учений отряда и поисковых работ. Сформировался у нас определенный цикл дежурств. Вновь увеличился приток желающих обучаться и, соответственно, работать по нашим направлениям спасения. Обучение сегодня представляет четко выстроенную систему.

— Очевидно, что задачи, которые решает «Экстремум», уступают в сложности действительно крупными ЧС, куда привлекают профессиональные отряды. Как Вы сами оцениваете свою «нишу» и значимость той пользы, что можете приносить?

— Да, мы четко понимаем свой уровень подготовки и представляем задачи, которые нам сегодня по плечу как и те, для решения которых нужен совсем другой класс подготовки.

— Получается, что Вашим предназначением является дополнять работу МЧС, взаимодействовать со спасателями на ПСР и в обычной жизни?

— Зачастую мы вместе работаем на ПСР в лесах, а также там, где требуется много людей, – на розыске пропавших, заблудившихся, «потеряшек». На этих работах наша деятельность для спасателей МЧС – действенная помощь, и они охотно идут на контакт. А если мы начинаем свои ПСР, когда профессиональный отряд уже сворачивает работы, то они с удовольствием делятся всей информацией для продолжения этих работ нами. Но есть и другая составляющая: все наши отношения со спасателями МЧС – неформальные. Было время, когда нас старались и вовсе не информировать. Мы знаем случаи, когда государственная спасательная служба привлекла коммерческую спасательную организацию, впоследствии выставившую солидный счет. И к нам, по инерции, отнеслись с недоверием. Но со временем «лед растаял». Иногда даже возникает ситуация, когда информацию о пропавших людях мы получаем раньше официальных структур. И тогда уже мы передаем в МЧС эту информацию, так как не ставим задачу подменить собой профессионалов.

— Но у Ваших взаимоотношений есть некий вектор развития?

— Можно сказать и так. Еще осенью 2009 года начался новый этап. Наладили контакты с Северо-Западным центром МЧС. Учебная деятельность продолжает развиваться. Сегодня это медицинская и высотная подготовки, тренировочные выезды, ориентирование. По поиску в лесах мы сделали отдельный курс, была разработана некоторая теоретическая база, методички. Устраивали даже совместные тренировки по розыску людей в условиях зимы, в лесах, разными методами. Например, с участием кинологов – и без них, с данными от сотового оператора «потеряшек» – и без всяких подсказок. Есть методики для работы следопытов и по опросу пострадавших, а также неких свидетелей, видевших пропавшего накануне. Процесс на месте не стоит.

— **Есть еще один проблемный вопрос. В государственных организациях спасения все действия профессионала многократно расписаны. В гражданском отряде всегда есть простор, некоторая свобода действий, как правило, неуместная. Появляется вопрос о контроле «демократии» на спасработах.**

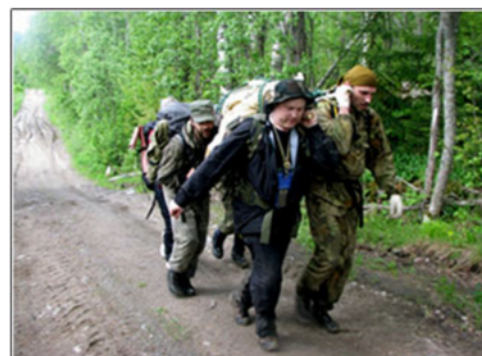
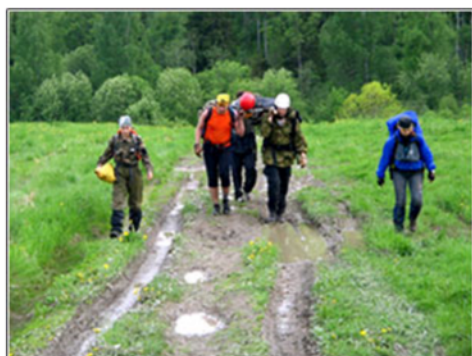
— «Демократия» заканчивается еще до начала ПСР. На выезде есть старший, и тут уже работает, если хотите, «авторитарная», или даже «волонтеристская», схема взаимодействия. До этого «демократия» позволяет участникам очередного ПСР определиться, окажутся они на происшествии или нет. И тут есть другой минус. Мы зачастую не можем выставить на крупной ситуации то количество людей, которое необходимо. Но на то мы и общественное объединение. Этот вопрос решается исключительно запасом людей. После спасработ проводим открытый разбор, как правило, по отчетам в Интернете. У нас так принято, что все люди, которые как-либо попадали в ЧС – участники или свидетели, – могут рассказать о своих действиях, с последующим техническим разбором. То есть спокойно выслушиваем критику. Коммуникации у нас все работают через Интернет. Регулярно проводятся сборы формального руководства и других членов «Экстремума». Корректируются планы, продумываются действия. В силу полной открытости любые идеи воспринимаются позитивно и идут в работу.

— **У Вас, как и у многих в отряде, есть бизнес, семья. Вся эта большая работа отнимает много сил, зачем же тогда все это?**

— Наверное, это такое специфическое хобби. Все равно в среде спортсменов или любителей походов, альпинистов на увлечения уходит довольно много времени. Просто сильно подстегивает тот положительный момент, что увлечен ты не для развлечения, а приносишь реальную пользу. Для многих это чисто психологически очень важно, появляется некая суперцель – спасти жизнь, не пройти мимо. Исчезает игровое наполнение или спортивный интерес. Как оказалось, не так много есть сфер активности, где люди могут помогать. Например, привычная всем благотворительность не зависит от профессионализма человека. И это различие позволяет ощущать иную сторону самореализации, мало на что похожую, с немаловажным компонентом проверки себя. Даже возможность применить свои знания в области медицины или спасения в быту приносит личное удовлетворение.

— **Так ли много тех равнодушных, к которым мы то и дело возвращаемся в разговоре? Ведь не так далеко ушли мы от тех же «диких» девяностых годов в России, когда никто ни во что не вмешивался?**

— Однозначно могу свидетельствовать, что желание, настрой на то, чтобы реагировать на критическую ситуацию не пассивно, – он уже присутствует. И людей с таким настроем сегодня все больше, так как хоть Петербург город и большой, но в отношении связей, знакомств, интересов людей – достаточно маленький. В наших рядах, как и среди спасателей, очень много людей увлеченных. Кто-то до сих пор ходит в походы, сплавляется по рекам или релаксирует на рыбалке: во время знакомства ты об этом даже и не знаешь, но количество волонтеров благодаря именно таким связям прибывает. Такие люди открыты миру и мотивированы в отношениях с ним, в том числе и в критических ситуациях. Просто очень часто равнодушные – и в человеческом отношении нормальные – люди еще не всегда имеют узкоспециальные навыки спасения. Но с другой стороны, когда помочь и вовсе некому, а ты оказался рядом, – делаешь то же, что и профессионал. Вот в такой момент обычный человек и становится добровольным спасателем

— **Есть ли у Вас свои наблюдения за тем, как новичок вырастает в спасателя, не получается ли в Вашем отряде так, что, технически, им может стать каждый?**

— Есть несколько ключевых моментов. Первый – это, в хорошем смысле, «круговая порука», то есть когда люди не могут выполнить нужное действие с непривычки или из-за неуверенности, но в то же время получают еще и какие-то моральные обязательства перед своими коллегами или пострадавшим. Когда в коллективе все находятся вместе, начинаешь действовать по одним правилам. То есть там, где в конкретной ситуации у человека срабатывает индивидуальная его реакция, в коллективе формируется слаженность. Незримо влияет еще и фактор «публичности», ведь новичок поначалу сам вынужден заставлять себя поступать по единым, принятым среди волонтеров, нормам. Первые сомнения, страх, а в чем-то и незнание того, как поступить, – все это вначале свойственно любому человеку. Отношение волонтера сильно напоминает подход хорошего, принципиального врача, который никогда не пройдет мимо пострадавшего. А необходимую подготовку мы организуем соответственно каждодневным задачам, случаю, происшествию. Что же до «каждого», то остается в отряде все же не всякий пришедший. Какая-то часть, примерно 10% новичков, откалывается, не выдерживает, или меняются жизненные обстоятельства. Сегодня, чтобы попасть в отряд, любой «новобранец»

обязан самостоятельно пройти базовый курс спасения, а это – не мало – 144 часа занятий. И мы изначально говорим: ребята, если хотите – вот курс, вы его проходите, а дальше принимаете решение. Если хотите, то есть вам реально интересно, – идете с нами дальше. Ну а на «нет» и суда нет.

— Многим из тех, кто узнает о Вас, будет интересно попасть в отряд, так что на тонкостях «естественного отбора» остановимся подробнее.

— Человек завершает базовое обучение, а дальше постепенно выбирает свою «нишу», кто-то продолжает просто ходить на внутренние тренировки и в походы отряда, но со временем становится не совсем понятно, что человек здесь делает. Другие люди начинают проявлять себя на спарбатах. При этом нет жесткого или принудительного графика дежурств. В гражданской организации не всегда прикажешь. Есть координаторы и есть текущие задачи, к тому же у каждого члена отряда есть что-то вроде своего рейтинга активности. Есть у нас и некая, доступная членам отряда, база данных. Каждый видит достижения или недочеты деятельности другого. База содержит массу важной информации, начиная от общих данных и заканчивая снаряжением – от машины до карабина. Можно составить список, сколько у нас есть автомобилей, лодок, компасов, радиостанций и так далее, без проблем. Там же фиксируются все мероприятия, в которых участвует человек.

— Несколько слов о снаряжении. Должно быть, самостоятельное финансирование расширяет технические возможности добровольцев, и российские профи могут вам в этом позавидовать?

— Экипировка отряда практически полностью состоит из личного снаряжения участников. К выбору снаряжения все относится очень ответственно. Ведь часто его качество напрямую связано с личной безопасностью. Как правило, все закупается на личные средства членов отряда. Если и есть нечто общее, то это такие средства, как, скажем, носилки. В квартире их держать неудобно, а с базы всегда можно прихватить с собой. Но если что-то необходимо, то всегда можно привлечь кого-то с таким оборудованием, или человек, не участвуя по каким-либо причинам лично, предоставляет его отряду для ПСР.

— FR — издание для профессионалов: что бы ты хотел сказать тем читателям, многие из которых еще до появления МЧС сами были добровольцами?

— Люди по-разному приходят в наше дело. Мы занимаемся этим как неким увлечением, но в любой ситуации найдется место и для профессионалов, и для волонтеров. Ведь профессиональная деятельность, так или иначе, вынуждена использовать более жесткий, или формализованный, подход. Наше отношение к ситуации более близко пострадавшим психологически – мы, прежде всего, ориентированы на них. Мы, может быть, не настолько закалены, как официальные государственные структуры, но и не столь далеко ушли от простого человека, оказавшегося в чрезвычайной ситуации. Всем причастным к спасению известно, что МЧС не работает дольше нескольких суток – на месте тех же самых лесных ПСР. Дальше проблема поиска ложится на плечи родственников пострадавших. Можно себе представить состояние, которое наступает родственников, когда все спарботы сворачиваются. Когда смотришь в глаза человека, которому просто не на что рассчитывать, у обычного гражданского – волонтера, стоящего с пострадавшим на одном, человеческом, уровне, – появляется совершенно новая ответственность. Ты уже не можешь отказать. И наша поддержка, даже одна только попытка помочь – отсутствие отказа в помощи, – становится реальной пользой. На нас смотрят как на последнюю надежду. По нашему опыту, лесные ПСР – единственный вид работ, где дело спасателя можно увидеть с такой – драматической – стороны.

— То, чем вы занимаетесь, во многом является именно функцией государства. Не было желания обратиться к нему и попросить о помощи?

— Желание было, но именно желание – не необходимость. Наверное, нам в каких-то ситуациях было бы комфортнее работать, имея социальную защиту, полномочия и тому подобные блага. Но у нас нет потребности перейти в состояние, когда наша нынешняя деятельность перестала бы существовать автономно. Скорее, для нас важны сложившиеся в «Экстремуме» стандарты качества работы и отношения к пострадавшему. К тому же, как показала практика, есть спонсоры, готовые помогать нашей деятельности.

— Нынешний статус добровольца — такой, каким он прописан в законе, — всех устраивает?

— По закону и в общих положениях статусы добровольного и профессионального спасателя ничем не отличаются. Сложность есть скорее с некоторой идентификацией нас в отношениях с другими структурами. Тут есть множество «дырок», и совершенно непонятно, какой порядок взаимодействия устроил бы все стороны: от пострадавших до нас, а также МЧС и другие госструктуры. Тем более что на практике о нас мало что известно, а простой обыватель не всегда отличает одних спасателей от других. Как шутят вошедшие в наше формирование: мы – спасатели-самозванцы. И на сегодня получается, что в каждой шутке есть только доля шутки. Если морально может быть некий дискомфорт, то юридически мы пока не сталкивались с ситуацией, где бы это мешало. Достаточно сказать, что ты добровольный спасатель, и к тебе относятся нормально. Единственное, что было бы для нас важно, это некий статус общественной значимости. Людям всегда необходимо себя идентифицировать с чем-то. Для многих деятельность в отряде сама по себе – возможность показать свою сопричастность движению, его «идеалам», но от почета, в силу того что мы делаем, никто не отказался бы.

Необходима некая благодарность со стороны общества, даже если многие из нас участвуют в спасении из своих, зачастую сугубо личных, побуждений. К тому же статус поможет привлечь в гражданские спасформирования новых людей

— И, как водится, несколько слов о планах развития.

— Сегодня мы четко понимаем свой уровень подготовки и те горизонты развития, к которым стремимся. Предметно говоря, будем совершенствовать кондиции по существующим и новым направлениям. Одно из них сегодня – водолазные работы. Запланировано системное изучение теории техногенных катастроф. Будем продвигаться в плане аттестаций ОАСФ, выходя на профессиональный уровень качества в имеющихся и новых направлениях. Мы ищем пути нового применения гражданского спасения, в том числе в дополнение усилий спасательных формирований МЧС. Включая ситуации некоторых «пробелов» в системах этого ведомства, но ни в коем случае не подменяя профессионалов.

С другой стороны, все наши направления привлекают новых добровольцев и позволяют уже пришедшим постоянно развиваться в том, что стало для них незаменим вариантом самореализации. Второй момент – в области благотворительности – учебные программы для разных категорий населения, безопасность жизнедеятельности. Первые проработки были нами созданы для водителей, затем более применимые коммуникативно, понятные программы для детей. Естественно, свои методики создаются «Экстремумом» и для спортсменов-экстремалов, и для самых обычных, не связанных с рисками, граждан. Важно, что за время существования мы не сталкивались с неприятием своей деятельности. Максимально – была осторожность, которая уходила после того, как люди понимали, что мы в целом-то безбидны и пришли с миром.

[Обсудить статью на форуме](#)